

A close-up, high-contrast photograph of a man's face. He is wearing a mask made of dark, rough wood that covers his entire face, including his nose and mouth. The mask has a weathered, textured appearance. The man's eyes are visible through the mask's eye holes, looking directly at the camera with a serious, intense expression. His hair is dark and messy, and he has a thick, greyish-brown beard and mustache. The lighting is dramatic, highlighting the textures of the wood and the man's features.

Лилия Апарович  
**Злость**

18+

# Лилия Апарович

## Злость

*<https://litres.ru/74363614>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Люди нередко оказываются в плену своих негативных эмоций. Строят из них в голове себе самую настоящую тюрьму. Когда не сумев пережить злость, ненависть, обиду, ревность, тащат потом её через всю жизнь. Не видят реальности. Фактически застревают в прошлом и не получают радости от дня текущего.

Всё это ничем хорошим не заканчивается, к сожалению.

Автор, практикующий психолог, отслеживает этот процесс на примере судьбы деревенского мужика Васьки, так и не сумевшего избавиться от собственного негатива. Дремучесть, неумение брать на себя ответственность, обозлённость на окружение приводят к печальному финалу. Увы, так работает механизм нашей психики. И остановить его, заставить крутиться "шестерёнки" в направлении позитива во власти только у самого человека - хозяина механизма.

# Лилия Апарович

## Злость

### *ЗЛОСТЬ*

Васькина жизнь была пыткой и адом. По крайней мере, он сам так считал. И впереди не было никакого просвета. Дом-работа-кредиты, дочка с сыном, вечно тянущие из него жилы. Вроде, и взрослые уже, самостоятельные, а всё: папа дай, папа помоги! Зять опять за рулём маршрутки полихачил – прав за превышение скорости лишили. Так хоть копейка была более-менее какая, что он теперь разнорабочим-то получать будет?! А троих внуков в школу собирать нужно... «Конечно, теперь с моего горба слазить не будут!» – зло думал Васька, сцепляя вагоны грузового поезда. «Тум-тум-тудум-туду-дум!» – гремели проходящие мимо составы. Он всю жизнь жил в этом грохоте. С детства привык. Деревенский дом, в котором вырос, стоял у самой железнодорожной станции. И потом, как женился, квартиру построили в городе тоже рядом с «железкой». Он словно прятался в этом грохоте от невыносимой реальности. «Тум-тум-тудум-туду-дум!» «Надоумила ж мать на 40 лет в ипотеку влезть! Сдохну, в собственном, окончательно выкупленном, жилье пожить не успею! Надо было не уезжать из деревни. И чего я её слушал? Всё стонала: мы с отцом нормальной жизни не видели, хоть вы с сестрой выучитесь, людьми станете!» Но даль-

ше железнодорожного техникума он не пошёл. Не хотел и не пытался. А умников всю жизнь ненавидел! Не просто по-дозревал, а был уверен, что у всех у них ум – от лукавого, все они им только прикрываются, лицемеры проклятые! В душе – грязи куча, а мозгов хватает, чтобы этого не показывать! Как сестра его родная! Та с детства книжками зачитывалась, комсомолка-активистка, в институт после деревенской школы учиться сама поступила. К матери всё как лисица подкатывала, ластилась: давай помогу, давай принесу, мамочка, что-то ты уставшая совсем, не заболела ли? А когда та не слышала, за углом Ваське шипела: «Всё сделаю, чтобы ты, пьянчуга проклятый, из наследства ничего не получил». И сделала. По крайней мере, Васька так думал. Заливать за воротник горькую он начал ещё в школьные годы и потом, когда на выходные из техникума домой приезжал, удовольствия этого не пропускал. Местечко было возле магазина – «кафе» на траве под липами. Там гудели вечера напролёт. Девочек щупали, морды в кровь один одному квасили. Тум-тум-тудум! А нечего доходягам соваться, если видят, что перед ними «лось здоровый». И что такого? Все так жили! Ну да, некоторые, кто в деревне остался, в город не съехал, и сейчас, в 50 с лишним такой же образ жизни под магазином ведут. Только драться уже здоровья не хватает, нажрутса по-чёрному и храпят в кустах. Он же до такого не дошёл! Не загремел в тюрьму ни за поножовщину, как одноклассник Колька, ни за воровство, как сосед Сашка. Под забором не

замёрз зимой, напившись, как дядь-Виталин сынок. Да, работа его и сейчас, и раньше крепко держала. Пока работал. А в выходные уходил в отрыв. В полный! Если по-трезвому и сестру-стерву терпел, и матери, к дочке своей льнущей, ничего не высказывал, после рюмки крышу срывало – и во всю глотку, крепко по-матерному, как это умеют в деревне, орал всё, что думал о них, и с размаху вметелить мог. А сколько раз погром в хате устраивал! Только отец его тогда остепенить и умел. Уважал он батю. Добрый и справедливый был. Если от кого кусочек тепла в душе остался, так это от него. Для того, чтобы грело теплее, наверное, по его стопам на железную дорогу и пошёл работать. Жаль, только в семье отец ничего не решал – слишком уж мягкотелый был. Это Ваську злило. Но не на отца, на баб, всем в доме заправляющих, злость его была нацелена. Батя болел в последние годы сильно. До того же, ещё пацанёнком, Васька ходил за ним, как щенок на поводке: и на рыбалку, и на охоту. Крышу на доме вместе в четыре руки перекрывали, пристройку сколачивали, сараи. Когда же батя помер, Васька, напившись на поминках, учинил в хате погром: горе у него в душе клокотало, боль непереносимая изнутри на части рвала! Эти две в ситуацию войти не пожелали, выставили его за порог. Подумать только: за порог, который он сам рубанком строгал! Проснулся под забором в крапиве, решил – ерунда, сколько раз уже такое бывало, направился домой и новый скандал учинил. А на него милицию, стервы, вызвали. От гне-

ва, бессилия и чувства несправедливости Васька кусал губы в кровь: «Ладно, я вам ещё устрою». Но устроил сам себе. Жениться не собирался, а раз дела так складываться пошли, решил к соседке-Зойке посвататься, не раз подмечал, что та по нему сохнет. План сработал. И ночевал следующую ночь он уже через дорогу от собственного дома – прямо напротив него. Перед тем, как пойти забирать вещи, пару рюмок опрокинул, чтобы матери и сестре пылу хватило напоследок высказаться: «Буду напротив вас жить, в окно каждое утро смотреть и представлять, как дом этот огонь жрёт, и как вы в пламени корчитесь! Прокляты будьте!»

Но никто, к счастью, не сгорел – ни дом, ни ненавистные родственницы. Даже, вроде как, и примирились на его свадьбе, только разговаривал он потом с ними всё равно сквозь зубы – злоба и обида Васькины не рассосались.

Жизнь шла своим чередом. У него двойнята родились. Жену гонял иногда, но и у той, и у тёщи ума хватало ему пьяному под руку не лезть. Побуянит-побуянит, да и успокоится. Рассуждали, видимо, так: «И похлеще мужики жару дают, он хотя бы трезвый тихим становится. Один мужик в доме: кто ж ещё траву покосит да дров на зиму наколет?!» Словом, приучились терпеть. Потом они с женой в городскую квартиру съехали. Но в деревню Васька навещался – когда с семьёй, когда один – в каждые свои выходные. Деревня была отдушиной. Такие же охломоны в прошлом местные, как он сам, сюда тоже съезжались. И тогда гудели с утра и до

утра – с бутылкой то к одному, то к другому во дворы нахаживали, музыку крутили, да разговоры вели: жизнь былую в многолюдной деревне вспоминали, судачили – кто к кому приженлся, кого на погост отправить уже пришлось: «А помнишь, Нина из Калиничёнки за мной всё бегала, так у неё мужик под поезд пьяный попал, – живой остался, слава Богу, но теперь без ног. А Чуркина лесоплка сгорела. Видать, подожгли – насолил кому-то, но так ему, упырю, и надо! Чурка он и есть Чурка, такое погоняло на пустом месте люди не дадут». К ночи напивались по-чёрному, песни во всю глотку орали и по деревянному столу отстукивали: «Тум-тум-тудум-туду-дум!». До тётчиного дома засветло уже доползал на четвереньках и валился на корявые половицы за порогом. С утра отпивался кваском, парился в баньке – и по новому кругу! Такая вот перезагрузка перед новым кругом: дом-работа-кредиты.

Сестра Васькина тем временем замуж за бизнесмена вышла, в хоромы двухэтажные мать с собой в столицу забрала. Дом на продажу выставили. Только не светило Ваське из наследства ничего. Хата была на мать оформлена, у него уже квартира в городе имелась, прописан там был, так что извините-подвиньтесь. Хотя он, конечно, рассчитывал. Рассуждал: «Катаются за счёт богатого мужика в масле. На кой им эти жалкие несколько тысяч за дом?» Думал, может, совесть проснётся: он ведь с батей его достраивал, отделявал?! За квартиру ещё столько выплачивать! Копейка лишней точно

не была бы. Когда заикнулся об этом матери, та отрезала: «А ты посчитай, сколько из своей зарплаты на водку тратишь! Не пьянствовал бы – уже половину ипотеки и кредитов своих, глядишь, и погасил бы! Такая зарплата, а куда деньги улетают – непонятно! Окна сватья на зиму плёнкой полиэтиленовой заклеивает, чтоб теплей в хате было. Крыша в бане, где ты задницу свою постоянно паришь, проваливается! Стыдоба! Зато огоньки новогодние под стреху намотал – и летом, и зимой, как на подростковой дискотеке светятся, да табличку новую с названием улицы и дома на угол бани повесил. Вот и все твои обновы! Не дам денег на пропой!» Правда, подарила пылесос и по велосипеду внукам. Но обиды это не погасило, напротив – оскорбило ещё больше.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.